

28 МАР 1954

Сталинабад

Газета №

ФЕЛЬЕТОН

Вакантных мест нет..

Получив большое эстетическое удовольствие от исполнения артистки М. П. Кучерявой, восторгаясь красотой и динамизмом ее голоса, характерной фразировкой и актерскими данными, члены художественного совета Таджикского театра оперы и балета в присутствии представителя Управления по делам искусств единодушно высказали мнение: необходимо принять артистку Кучерявую в театр. Среди членов художественного совета были квалифицированные, авторитетные специалисты своего дела — заслуженный деятель искусств Таджикской ССР, композитор А. Ленский, педагог-вокалист Сталинабадского музыкального училища А. Болева, хормейстер театра Д. Жирова, режиссер А. Варанинов, бывший главный дирижер тов. Шаевич, бывший главный режиссер тов. Григорин, а также инспектор отдела театров Управления по делам искусств Е. Угринович.

— Прислушайтесь! Без моего участия? Без участия председателя художественного совета?! — в гневе воскликнул директор театра тов. Рахматуллаев, ознакомившись с протоколом заседания и решением художественного совета. — Вакантных мест в театре нет!

— Но ведь такая певица нам необхо...
— Мест нет!

Возомнив себя неким удельным князьком, коммунист Рахматуллаев с настойчивостью, достойной лучшего применения, объявил «тайную» войну не только тов. Кучерявой, но и всем, кто пытался добиться ее зачисления в труппу театра. И это длится уже свыше года.

Артистке М. П. Кучерявой не помогли ни аттестат Ростовского областного музыкального училища, ни свидетельство об окончании Московской городской оперной студии, ни обширный оперный и концертный репертуар. Не было принято во внимание и то обстоятельство, что тов. Кучерявая живет в Сталинабаде, что ей не нужно платить подъемных.

— Раз я сказал «нет» — значит нет! — упорствовал директор.

А упорствовал он еще и потому, что ему наметали, будто артист А. Гордеев, муж Кучерявой, смеет вслух (какой смельчак!) и даже печатно, в стеной газете (какое безобразие!) критиковать недостатки в работе театра. «Это говорит не в ее пользу», — решил он. И действительно, тов. Гордеев, молодой советский артист, душой болеющий за свой театр, вскоре после заседания художественного совета как-то покритиковал работу главного режиссера Григорина. Не терпя критики, Григорин заявил, что если Кучерявая будет принята, он немедленно покинет театр.

Григорин в итоге, действительно, «покинул» театр, но это произошло отнюдь не из-за тов. Кучерявой. Что же касается артистки, то она и по сей день не у дел и тщетно добивается восстановления справедливости.

Тов. Кучерявая обращается за помощью в Управление по делам искусств. 4 марта, а затем 10 апреля 1953 г. Управление направляет тов. Рахматуллаеву письма (№ 4/376 и № 4/513) с предложением дать тов. Кучерявой возможность дебютировать в спектаклях «Русалка» и «Царская невеста».

Игнорируя свое начальство и мнение художественного совета, считая ниже своего достоинства вступать в переговоры с Управлением по такому «ничтожному» поводу, как решение судьбы советской артистки, Рахматуллаев не удостоивает ответом письма.

Решив прервать эту игру в молчанку, заместитель начальника главного Управления по делам искусств тов. Рабиев звонит директору по телефону.

— Управление настаивает на зачислении артистки Кучерявой в театр. В группе меццо-сопрано у вас есть певицы, которые значатся там только номинально...

— Товарищ Рабиев! — захохотал в трубку. — Запомните — ни вы, ни кто другой — никакая сила не заставит меня принять Кучерявую.

— Объясните, почему?

— Без всяких объяснений!

— Что же поделаешь, — посочувствовали тов. Кучерявой в Управлении. — Вас не хотят в театре. Потерпите еще немного. Закончится сезон. Освободятся места. К нам приезжает новый главный дирижер. Вот тогда вы получите работу.

Наконец, и сезон театральный закончился. И новый главный дирижер тов. Рисман приехал. Дважды освободились вакантные места в группе меццо-сопрано, но... не для тов. Кучерявой. Местя артистке и Управлению за «вмешательство» в его дела, Рахматуллаев добился того, что и новый главный дирижер оказался «бессильен» составить объективное мнение о ее вокальных данных. Да вряд ли тов. Рисман и был в этом заинтересован. Он спешил в Москву, чтобы привезти в театр «своих» людей.

И вот еще один сезон артистка М. П. Кучерявая не поет в театре.

Управление по делам искусств сделало еще одну попытку воздействовать на Рахматуллаева. 21 ноября 1953 г. ему было направлено письмо по «делу» Кучерявой (№ 1079). Но всей вероятности, Рахматуллаев и от этого письма отмахнулся бы, как от назойливой мухи, если бы... ему не бросился в глаза многозначительная приписка: «Копия ЦК БИ Таджикистана...» Он понимал, что в ЦК партии его за равнодушие и издевательство над советской артисткой по головке не погладят. Десять дней размышлял Рахматуллаев, как ему быть, как выйти сухим из воды. И, наконец, придумал. Сочинил бюрократически аргументированное письмо, отстучал на машинке — и с плеч долой.

«Забыл» на минуточку о том, что он самолучно распорядился о прослушивании Кучерявой, а не присутствовал на нем из-за нежелания терять время (я мало разбираюсь в пении, — сказал он). Рахматуллаев в своей отписке особенно упирал на то, что Управление организовало прослушивание «без ведома дирекция театра, без участия председателя художественного совета театра, т. е. директора» (цитируем по оригиналу письма за № 386 от 30 ноября 1953 г.). Не слышав Кучерявой, он далее с видом знатока заявляет, что она «не обнаружила нужного верхнего регистра для героического (I) меццо-сопрано...». Не забыл он приложить и справочку о том, что все места в группе меццо-сопрано заняты.

Так Рахматуллаев ввел в заблуждение товарищей, заинтересовавшихся судьбой М. П. Кучерявой.

А в Управлении, прочитав эту бездушную отписку, посмеялись над невежеством Рахматуллаева, подшили письмо в папку и... усномялись — ответ получен, чего же боле?

Не пора ли напомнить тов. Рахматуллаеву, что время удельных князьков давно миновало, что советский театр — не частная антреприза, а государственное учреждение?

И. СЕМЕНОВ.